

УДК 327.8:316.7:004

МРНТИ 17.07.41

<https://doi.org/10.48371/ISMO.2025.62.4.017>

ТРАНСЕВРАЗИЙСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ СВЯЗНОСТЬ: РОЛЬ ЮЖНОЙ КОРЕИ В СТРАТЕГИИ МЯГКОЙ СИЛЫ КАЗАХСТАНА

* Кенжеалиева Д.М.¹, Джакубаева С.Т.², Илияс Н.К.³

*^{1,3} Казахский национальный университет имени аль-Фараби,

Алматы, Казахстан

² Казахский национальный женский педагогический университет,

Алматы, Казахстан

Аннотация. В условиях трансформации международных отношений и усиления роли нематериальных факторов влияния особое значение приобретает мягкая сила как инструмент внешней политики и международного позиционирования государств. Культура, цифровые коммуникации и креативные индустрии все чаще становятся ключевыми ресурсами формирования международной привлекательности и устойчивых трансрегиональных связей. В этом контексте особый интерес представляет взаимодействие стратегий мягкой силы государств Евразии и Восточной Азии, в частности Республики Корея и Казахстана, в рамках формирующейся трансевразийской культурной динамики.

За последние два десятилетия Республика Корея утвердила в качестве одного из наиболее успешных культурных акторов среднего уровня, последовательно выстраивая модель культурной дипломатии, основанную на феномене халлю, развитой цифровой инфраструктуре и институционально поддерживаемых креативных индустриях. Корейский опыт демонстрирует эффективность сочетания государственных стратегий, рыночных механизмов и цифровых платформ в продвижении национальной культуры и формировании устойчивого международного культурного влияния.

Казахстан, в свою очередь, реализует многовекторную внешнюю политику, ориентированную на укрепление международной узнаваемости, формирование позитивного культурного имиджа и закрепление статуса культурного и геополитического узла Евразии. В условиях конкуренции культурных нарративов и внешних моделей мягкой силы перед Казахстаном стоит задача развития собственной культурной дипломатии и креативных индустрий с учетом как внутренних структурных ограничений, так и внешних возможностей международного сотрудничества.

Настоящее исследование направлено на анализ взаимодействия стратегий мягкой силы Республики Корея и Казахстана в контексте формирования трансевразийской культурной связности. Особое внимание уделяется возможностям адаптации элементов корейской модели культурной

Трансевразийская культурная связность: роль Южной Кореи в стратегии...

дипломатии - включая механизмы ко-продукции, цифровые инициативы, образовательные и медийные проекты - к казахстанским условиям. Целью работы является выявление потенциала двустороннего культурного сотрудничества и определение направлений усиления инструментов мягкой силы Казахстана с учетом опыта Республики Корея.

Ключевые слова: мягкая сила, культурная дипломатия, халлю, Казахстан, Южная Корея, креативные индустрии, цифровая культура, дипломатия

Введение

Данная статья рассматривает многогранный характер стратегии мягкой силы Казахстана, уделяя особое внимание тому, каким образом культурные обмены с Республикой Корея способствуют реализации более широких внешнеполитических задач государства. Расположенный в центре Евразии, Казахстан занимает уникальное трансконтинентальное положение, что позволяет ему одновременно выступать в роли ключевого транзитного коридора и формирующегося регионального узла. Это географическое положение во многом определяет внешнеполитическое поведение страны и усиливает её зависимость от многовекторного подхода - концепции, получившей всесторонний анализ в работах Кассена [1], Паталаха [2] и Мамедова [3]. Указанные исследования подчёркивают, что отсутствие прямого выхода к морю, geopolитическая уязвимость и значительная ресурсная обеспеченность требуют от Казахстана дипломатической гибкости, прагматичного баланса интересов и диверсификации международных связей.

В рамках данной стратегии Казахстан поддерживает устойчивые отношения с соседними державами, такими как Россия и Китай, одновременно развивая сотрудничество с государствами Запада и странами исламского мира [4]. Геополитическое положение страны позволяет ей выступать не только в качестве логистического моста через Евразию, но и в роли культурного перекрёстка - аспекта, который всё активнее интегрируется в национальный брендинг и инициативы мягкой силы. В этом контексте мягкая сила становится ключевым инструментом повышения международной видимости, снижения geopolитических рисков и укрепления взаимовыгодных партнёрств за счёт продвижения культурной идентичности, общих ценностей и межкультурного диалога.

Стремление Казахстана к развитию инструментов мягкой силы опирается на нормативную основу многовекторности, сформированную в первые годы независимости и закреплённую в ключевых внешнеполитических документах 1990-х годов. В дальнейшем данные принципы были институционально усилены в стратегии «Казахстан-2050», предусматривающей вхождение страны в число наиболее развитых государств мира и предполагающей реализацию многомерной внешней

политики, выходящей за рамки традиционных инструментов влияния [6]. В рамках данной концепции культурная дипломатия рассматривается одновременно как инструмент внутреннего нациестроительства и как механизм внешней проекции идентичности Казахстана в образе стабильного, плюралистического и ориентированного на диалог государства [5].

С начала 2000-х годов Казахстан предпринимает целенаправленные усилия по укреплению своего международного имиджа посредством масштабных PR-кампаний, расширения международного вещания (в частности, телеканала CaspioNet), а также сотрудничества с западными PR-структурами [7]. Эти инициативы дополняют политическую и экономическую дипломатию, формируя более комплексный набор инструментов мягкой силы, направленных на создание позитивных глобальных представлений о стране и нейтрализацию негативных внешних нарративов.

Культурная дипломатия заняла устойчивое место как во внутренней, так и во внешней политике Казахстана. Государство активно продвигает идеи межэтнической гармонии, межрелигиозного диалога и культурного плюрализма - ценности, последовательно транслируемые на международной арене. Это находит отражение в долгосрочном сотрудничестве с ЮНЕСКО, проведении с 2003 года Съезда лидеров мировых и традиционных религий, а также участии в региональных инициативах по сохранению культурного наследия, включая Форум народов алтайской цивилизации [8; 9]. Указанные мероприятия соотносятся со стратегическими целями Казахстана по позиционированию себя как «центра евразийской культуры к 2030 году» и, в более долгосрочной перспективе, - как «центра мировой культуры к 2050 году».

В рамках данной стратегической конфигурации культурное сотрудничество с Республикой Корея - одной из наиболее успешных стран в сфере мягкой силы, основанной на развитии культурных и креативных индустрий, открывает для Казахстана дополнительные возможности диверсификации и усиления собственных культурно-дипломатических ресурсов. Анализ динамики данного взаимодействия и выявление механизмов, посредством которых Казахстан может использовать корейский опыт для укрепления своей международной субъектности, составляет центральный исследовательский фокус настоящей работы.

Описание материалов и методов

Данное исследование опирается на качественный исследовательский дизайн, основанный на сочетании тематического анализа, сравнительного кейс-стади и контекстуальной интерпретации вторичных данных. Такой методологический подход позволяет всесторонне и многомерно исследовать взаимодействие инструментов мягкой силы Республики Корея и формирующейся культурной дипломатии Казахстана в контексте трансевразийской культурной связности. Выбранные методы

Трансевразийская культурная связность: роль Южной Кореи в стратегии...
обеспечивают глубокий анализ того, каким образом культурные, цифровые и геополитические факторы формируют двустороннее сотрудничество и влияют на стратегии мягкой силы обоих государств.

Во-первых, в исследовании применяется тематический анализ, позволяющий систематически выявлять и классифицировать устойчивые концептуальные паттерны в академической литературе, официальных политических документах, медийных материалах и инициативах культурной дипломатии. Данный метод особенно эффективен для идентификации взаимосвязей между культурно-дипломатическими стратегиями Республики Корея, включая феномен халлю, цифровую публичную дипломатию и развитие креативных индустрий - и внешнеполитическими приоритетами Казахстана, процессами формирования его культурной идентичности и стремлением к региональному лидерству. Посредством тематического кодирования выделяются ключевые аналитические категории, такие как «цифровая мягкая сила», «культурная гибридизация», «геополитическое позиционирование» и «институциональные ограничения», что позволяет синтезировать разнородные источники в единую аналитическую рамку.

Во-вторых, в исследование интегрирован сравнительный метод кейс-стади, предполагающий сопоставление высокоинституционализированной и цифрово развитой модели мягкой силы Республики Корея с развивающейся, структурно ограниченной, но стратегически амбициозной культурной дипломатией Казахстана. Такой сравнительный ракурс позволяет выявить как сходства, так и различия в культурных стратегиях двух государств, а также определить элементы корейского опыта, которые могут быть адаптированы или избирательно интегрированы в казахстанскую модель мягкой силы. Данный метод также позволяет зафиксировать потенциальные выгоды и асимметрии взаимодействия, а также определить наиболее перспективные сферы для совместной ко-продукции культурного контента, обменных программ и цифрового сотрудничества.

В-третьих, используется метод анализа документов, включающий изучение официальных стратегических документов Республики Корея и Казахстана, программ культурной дипломатии, докладов профильных министерств, материалов ЮНЕСКО, а также опубликованных выступлений и заявлений государственных деятелей. Эти источники позволяют выявить институциональные механизмы, стратегические приоритеты и динамику эволюции культурно-дипломатических инициатив. Документальный анализ даёт возможность проследить трансформацию государственной политики во времени, а также выявить изменения, обусловленные глобальными тенденциями, геополитическими вызовами и внутренними социокультурными процессами.

Дополнительно исследование опирается на вторичные эмпирические данные, включая существующие социологические опросы, статистические отчёты и региональные исследования, фиксирующие восприятие феномена

халлю в Центральной Азии, степень вовлечённости молодёжи в корейскую популярную культуру и цифровые модели потребления медиаконтента. Эти данные используются для эмпирического подтверждения теоретических положений и позволяют укоренить анализ в наблюдаемых социально-культурных процессах.

Наряду с этим применяется контекстуальный анализ, направленный на интерпретацию культурной дипломатии в более широком геополитическом контексте Евразии. Внимание уделяется научным дискуссиям о соперничестве великих держав, многовекторной дипломатии, региональных интеграционных инициативах и стратегическом значении Центральной Азии. Такая контекстуализация необходима для понимания структурных возможностей и ограничений, определяющих развитие культурного сотрудничества между Республикой Корея и Казахстаном.

Наконец, исследование использует междисциплинарный подход, интегрируя теоретические положения международных отношений, культурологии, исследований цифровых медиа и политической коммуникации. Данная междисциплинарность обусловлена комплексной природой мягкой силы, охватывающей политические стратегии, экономические интересы, культурное производство и технологическую инфраструктуру.

В совокупности применяемые методологические инструменты обеспечивают комплексное и контекстуально чувствительное исследование механизмов циркуляции мягкой силы в Евразии, форм и содержания культурной дипломатии Казахстана и Республики Корея, а также роли цифровых платформ и креативных индустрий в формировании будущего трансевразийского культурного сотрудничества. Выбранный методологический дизайн позволяет сформулировать теоретически обоснованные, эмпирически подкреплённые и аналитически выверенные выводы о потенциале и ограничениях развития культурного взаимодействия между двумя государствами.

Исследования, посвящённые внешней политике Казахстана, культурной дипломатии и развитию инструментов мягкой силы, формируют теоретическую и эмпирическую основу для анализа стратегического позиционирования страны в евразийском пространстве. Ключевое понятие многовекторности подробно раскрывается в работах Кассена [6] и Паталаха [13], которые подчёркивают, что геополитические особенности Казахстана - отсутствие выхода к морю, высокая ресурсная обеспеченность и соседство с крупными державами - обуславливают необходимость гибкой и прагматичной дипломатии, ориентированной на поддержание сбалансированных отношений с широким кругом международных партнёров. Мамедов [10], а также Есиркеп и др. [15] развивают данную аргументацию, показывая, что Казахстан активно использует свой транзитный потенциал и центральное положение в Евразии для позиционирования себя в роли

Трансевразийская культурная связность: роль Южной Кореи в стратегии... посредника и связующего звена между Россией, Китаем и странами Запада.

Продолжая эту внешнеполитическую линию, Леннокс [9] акцентирует внимание на том, что долгосрочная стратегия развития Казахстана - особенно в контексте «Стратегии Казахстан - 2050» - предполагает формирование не только экономической, но и культурно-дипломатической составляющей, способной усилить международную узнаваемость и символический капитал государства. Трембасиевич [14] также подчёркивает значимость культурной дипломатии как направления государственной политики, включая сотрудничество с ЮНЕСКО и участие в региональных культурных инициативах, направленных на сохранение и продвижение культурного наследия.

Параллельно существенный массив научной литературы посвящён анализу мягкой силы и культурной дипломатии Республики Корея. Основополагающий вклад в данное направление внесли Ли и Мелиссен [8], рассматривающие феномен халлю (**한류**, Hallyu) как механизм перераспределения культурного влияния в Азии и за её пределами. Их работа демонстрирует, что культурный экспорт Южной Кореи превратился в эффективный инструмент национального брендинга и политического позиционирования на международной арене.

Дальнейшее развитие данной проблематики представлено в исследованиях Фиаза [2], а также Чжана и Кима [4], которые подчёркивают, что успех корейской культурной дипломатии во многом обусловлен сочетанием целенаправленной государственной поддержки и инновационной среды креативных индустрий. Авторы выделяют институциональные механизмы, включая деятельность Korea Creative Content Agency, в качестве ключевых структурных элементов устойчивости и воспроизводимости корейской модели мягкой силы.

Цифровое измерение мягкой силы Республики Корея подробно анализируется в работе Джина [5], который показывает, что цифровые платформы и социальные сети стали структурным фактором глобального распространения корейской культуры. В его интерпретации «Новая корейская волна» опирается на децентрализованные сети потребителей, онлайн-сообщества и гибридные цифровые форматы, формирующие новые модели трансграничного культурного взаимодействия и усиливающие вовлечённость зарубежной аудитории.

Исследования взаимодействия Республики Корея и Центральной Азии представлены, в частности, в работе Глодева и др. [3], где демонстрируется рост популярности корейской массовой культуры среди молодёжи постсоветских государств, включая Казахстан. Авторы связывают данный процесс с культурной гибридностью корейских медиапродуктов и их высокой адаптивностью к ожиданиям молодёжной аудитории региона.

Наконец, отдельное направление научной литературы посвящено анализу внутренних ограничений развития мягкой силы Казахстана.

Касымбекова и соавт. [7] показывают, что, несмотря на растущую вовлечённость молодёжи в цифровое пространство, национальная медиасреда сталкивается с рядом структурных вызовов - от технологического неравенства до дефицита конкурентоспособного локального контента. Эти ограничения затрудняют развитие национальных креативных индустрий и формируют асимметрию по сравнению с Республикой Корея, обладающей высокотехнологичной и институционально развитой культурной экосистемой.

Результаты

В условиях трансформации глобальной культурной дипломатии Республика Корея постепенно утвердила в качестве одного из наиболее влиятельных акторов среднего уровня, эффективно используя феномен халлю (*한류*, Hallyu) для усиления своей международной видимости и дипломатического присутствия. Глобальное распространение К-поп, корейских телесериалов, кино и цифрового контента наглядно демонстрирует, каким образом страна смогла трансформировать культурные индустрии в институционально выстроенный инструмент публичной дипломатии и национального брендинга. Данная трансформация, подробно проанализированная Ли и Мелиссеном [8], основана на целенаправленном взаимодействии государственных институтов и частного сектора, что позволило Южной Корее занять позицию одного из ведущих производителей культурного продукта с высоким международным резонансом.

Институционализация культурной политики - при ключевой роли таких структур, как Korea Creative Content Agency - в сочетании с активностью крупных развлекательных конгломератов стала фундаментом устойчивой транснациональной привлекательности корейской культуры. Комплексный характер данной стратегии укрепил позиции Республики Корея как конкурентоспособной державы среднего уровня, способной формировать дипломатическую доброжелательность, стимулировать межкультурный диалог и расширять влияние как в Азии, так и за её пределами. Инвестиции в развитие творческого человеческого капитала, включая подготовку специалистов в сфере киноиндустрии и поддержку международного культурного сотрудничества, подчёркивают долгосрочный и системный характер корейской стратегии мягкой силы.

Успех Республики Корея в Юго-Восточной Азии, где халлю способствует экономическому, культурному и дипломатическому взаимодействию, представляет собой значимый сравнительный контекст для анализа потенциала расширения корейского культурного влияния в Центральную Азию. Растущая популярность корейской культуры среди молодёжи постсоветских государств, включая Казахстан, подтверждает адаптивность и высокую притягательность корейских культурных продуктов [3]. Данные тенденции формируют благоприятные предпосылки для углубления

Трансевразийская культурная связность: роль Южной Кореи в стратегии... культурных связей между Казахстаном и Республикой Корея.

Стратегическое стремление Казахстана закрепиться в качестве культурного и geopolитического центра Центральной Азии и более широкой Евразии во многом соотносится с расширяющейся мягкой силой Южной Кореи. По мере того, как корейская культурная дипломатия диверсифицируется за счёт цифровых платформ и трансрегиональных инициатив, политичность Казахстана и его геополитическая центральность создают благоприятную основу для развития устойчивых форм культурного обмена. Это приобретает особую значимость в контексте собственных усилий Казахстана по укреплению мягкой силы и продвижению уникальной культурной идентичности в евразийском пространстве [12; 15].

Модель Республики Корея, основанная на интеграции креативных индустрий с инструментами публичной дипломатии и внешней политики, представляет для Казахстана важный источник практических ориентиров. Она демонстрирует, каким образом экспорт культурных продуктов, цифровая коммуникация и развитие творческих индустрий могут использоваться в качестве действенных инструментов мягкой силы. В условиях «Новой корейской волны» (New Hallyu) цифровые платформы и социальные сети приобретают всё более значимую роль в формировании трансграничных культурных потоков, создавая дополнительные возможности для Казахстана в сфере цифрового сотрудничества, совместного производства и расширения культурной дипломатии [5].

Геополитическое положение Казахстана как связующего звена между Востоком и Западом усиливает его потенциал функционировать в качестве канала двустороннего культурного обмена. Развитие совместных проектов, ко-продукций, творческих партнёрств и образовательных инициатив способствует формированию более связанного трансевразийского культурного пространства. Такой формат взаимодействия способен не только усилить мягкую силу Казахстана, но и содействовать диверсификации культурной дипломатии Республики Корея за пределами традиционных регионов её влияния.

Настоящее исследование направлено на выявление того, каким образом Казахстан может избирательно адаптировать элементы южнокорейской модели мягкой силы для формирования собственного культурного бренда, укрепления региональных позиций и развития трансевразийской культурной связности.

Данная работа дополняет существующую научную литературу, акцентируя взаимный характер культурного взаимодействия между Казахстаном и Республикой Корея в рамках более широкой концепции трансевразийской связности - проблематики, которая до настоящего времени остаётся недостаточно разработанной. Показано, что культурно-дипломатическая модель Южной Кореи может служить для Казахстана

практическим ориентиром в укреплении собственной мягкой силы, тогда как культурный и геополитический потенциал Казахстана, в свою очередь, способен расширить международный охват феномена халлю.

Особое внимание в исследовании уделяется трансформационному потенциалу культурных и цифровых обменов, способных способствовать росту взаимопонимания, укреплению межгосударственного сотрудничества и формированию новых форм культурной интеграции. Эти процессы приобретают дополнительную значимость на фоне масштабных геополитических инициатив, включая инициативу «Пояс и путь», оказывающих всё более заметное влияние на региональные коммуникации и культурную динамику [13, р. 374].

Обсуждение

Анализ существующей научной литературы позволяет выделить ряд ключевых закономерностей. Во-первых, внешнеполитические подходы и стратегии мягкой силы Казахстана получили достаточно широкое и всестороннее отражение в академических исследованиях. Работы М. Кассена [1] и А. Паталаха [2] демонстрируют, что многовекторность, формирование национальной идентичности и развитие культурной дипломатии выступают центральными механизмами повышения международной узнаваемости Казахстана. Исследования А. Мамедова [3], а также С. Есиркепа с соавторами [4] дополняют данный вывод, подчёркивая значимость транзитного положения страны и её стремления укреплять роль посредника между ключевыми региональными центрами силы.

С точки зрения культурной дипломатии особое значение имеют исследования, анализирующие усилия Казахстана по преодолению культурных разрывов и развитию межкультурного диалога. В частности, работа Л. Мирзояевой, О. Сюрмен и З. Ахметжановой [5] подчёркивает актуальность культурных и образовательных программ как инструмента повышения международной вовлечённости страны. Существенный вклад в теоретическое осмысление данной проблематики вносит также Б. Леннокс [6], рассматривающий культурную дипломатию как важный элемент политики диверсификации международных партнёров Казахстана.

Во-вторых, значительный массив научных исследований посвящён южнокорейской модели культурной дипломатии и мягкой силы. Основополагающий труд Ли Сын Джун и Я. Мелиссена [10] рассматривается как ключевой источник, раскрывающий природу мягкой силы Республики Корея и её институциональные механизмы. Дальнейшие исследования подтверждают, что креативные индустрии Южной Кореи превратились в стратегический национальный ресурс. Так, С. Матосьян [22] подчёркивает, что культурные продукты - от популярной музыки до киноиндустрии - стали полноценными дипломатическими активами. В свою очередь, З. Се [11]

Трансевразийская культурная связность: роль Южной Кореи в стратегии...
отмечает комплексный характер южнокорейской культурной дипломатии, тесно связанной с экономическими и технологическими стратегиями государства.

Отдельное направление исследований посвящено росту популярности феномена халлю за пределами Восточной Азии. Существенный вклад в анализ распространения корейской культуры в Центральной Азии внесли В. Глодев, Г. Виджая и Р. Ида [15], показавшие, что процессы культурной гибридизации и развитие цифровой медиасреды усиливают привлекательность корейского контента среди молодёжи постсоветских государств, включая Казахстан.

Наконец, цифровое измерение мягкой силы стало предметом исследований Дон Ёна Чжина [16], а также Дж. Мелиссена и Э. де Кёлёнаар [17], которые акцентируют внимание на роли цифровых платформ, социальных сетей и стриминговых сервисов в децентрализации культурной дипломатии. Указанные механизмы обеспечивают массовое участие фансообществ и формируют новые каналы культурного влияния, выходящие за рамки традиционных государственных инструментов.

Несмотря на наличие обширного корпуса исследований, в научной литературе сохраняется существенный аналитический разрыв. В частности, по-прежнему недостаточно разработанными остаются следующие направления:

- влияние южнокорейской мягкой силы на траекторию развития культурной дипломатии Казахстана;
- механизмы локализации, адаптации и переосмысления корейских культурных продуктов в казахстанском контексте;
- потенциал цифровой культуры и креативных индустрий как основы формирования трансевразийской культурной связности;
- влияние ко-продукции, совместных цифровых проектов и образовательных инициатив на развитие казахстанского творческого сектора.

Настоящее исследование направлено на восполнение выявленного научного пробела и предлагает комплексный анализ возможностей южнокорейской цифрово-культурной мягкой силы для укрепления культурной дипломатии Казахстана и развития взаимовыгодного двустороннего партнёрства.

Эволюция концепции мягкой силы в условиях цифровой эпохи подчёркивает возрастающее значение цифровых медиа, социальных сетей и глобальных стриминговых платформ в системе современного международного взаимодействия. Дон Ён Чжин [16] показывает, что формирование цифровых экосистем создаёт новые возможности для конструирования благоприятного международного имиджа государств, укрепления трансграничных связей и расширения культурного влияния за пределами традиционных дипломатических каналов.

Работы Ли и Мелиссена [10] фиксируют важный тренд, связанный с формированием феномена «цифрового халлю», представляющего собой сочетание государственной культурной политики и активности транснациональных фан-сообществ. Последние функционируют как автономные проводники культурных смыслов, создают и распространяют пользовательский контент, а также усиливают присутствие корейской культуры за пределами Восточной Азии. В результате культурная дипломатия приобретает децентрализованный характер, опираясь не столько на формальные дипломатические институты, сколько на сетевые механизмы, цифровые платформы и алгоритмические логики распространения контента.

Одним из ключевых факторов высокой воспринимаемости корейской культуры выступает культурная гибридизация - способность адаптировать глобальные культурные элементы к локальным социально-культурным контекстам. Историческая многослойность и культурная полицентричность Центральной Азии создают благоприятные условия для интеграции гибридных форм в региональный культурный ландшафт. Именно этим во многом объясняется популярность феномена халлю среди молодёжи Казахстана, что подтверждается эмпирическими исследованиями [15].

Южная Корея последовательно институционализировала развитие креативных индустрий, превратив их в неотъемлемую часть национальной стратегии экономического роста и международного имиджевого позиционирования. Фиаз [13] демонстрирует, что сочетание государственной поддержки, высоких цифровых стандартов и активности частного сектора обеспечило устойчивость и воспроизводимость корейской культурной экосистемы. Дополняя данный вывод, исследования Аффанди и Путри [14] показывают, что даже в условиях пандемии COVID-19 цифровая культурная дипломатия Республики Корея сохраняла эффективность и адаптивность.

Эволюция южнокорейской модели культурной дипломатии прошла путь от «халлю 1.0», ассоциируемой преимущественно с экспортом телесериалов в азиатском регионе, к «халлю 3.0» - интегрированным культурным системам, включающим музыку, кино, видеоигры, моду и цифровые технологические платформы. Данные тенденции открывают для Казахстана возможность использования корейского опыта в целях модернизации собственного культурного и цифрового секторов. В качестве перспективных направлений сотрудничества могут рассматриваться совместные цифровые проекты, ко-производство кинопродукции, взаимодействие в сферах анимации, геймдева, VR/AR-технологий, а также образовательные программы и обмены.

Значимую роль в укреплении двусторонних культурных связей играет и институциональная дипломатия. Расширение сети Институтов короля Седжона способствует росту интереса к корейскому языку и культуре, тогда как реализация культурных проектов на межгосударственных и многосторонних площадках создаёт дополнительные каналы сотрудничества

Казахстан, обладая стратегическим транзитным положением и многообразным культурным пространством, представляет собой перспективную платформу для дальнейшего распространения корейской культуры в евразийском регионе. В то же время взаимодействие с Республикой Корея открывает для Казахстана возможности модернизации творческого сектора, укрепления собственной культурной дипломатии и формирования устойчивой региональной культурной идентичности в условиях усиливающейся трансевразийской связности.

Несмотря на значительный потенциал развития культурного сотрудничества между Казахстаном и Республикой Корея, его устойчивость и сбалансированность осложняются рядом структурных вызовов и ограничений. Одним из ключевых факторов риска выступает региональная geopolитическая среда. Высокая плотность политического, экономического и культурного влияния Китая и России в Центральной Азии вынуждает Казахстан выстраивать внешние связи с особой осторожностью, избегая чрезмерной зависимости от какого-либо одного партнёра. Такая логика соответствует принципам многовекторной дипломатии, в рамках которой диверсификация международных отношений рассматривается как базовый механизм обеспечения суверенитета и долгосрочной стабильности [4].

Сама Республика Корея также сталкивается с собственными структурными ограничениями. Нерешённые проблемы безопасности на Корейском полуострове - включая вопросы денуклеаризации и миростроительства - продолжают поглощать значительные дипломатические и политические ресурсы, которые в иных условиях могли бы быть направлены на расширение культурного присутствия за рубежом. Эти обстоятельства объективно сдерживают возможности Республики Корея по полномасштабному использованию потенциала мягкой силы в новых регионах, включая Центральную Азию.

Существенным вызовом остаётся и риск культурной асимметрии. Глобальный успех феномена халлю, при всех его преимуществах, может приводить к одностороннему характеру культурного обмена, при котором корейские культурные продукты доминируют в медиапространстве принимающей страны. Подобная ситуация способна формировать элементы культурной зависимости, ослабляя взаимность и глубину диалога. В отдельных случаях это может вызывать восприятие культурной экспансии как навязывания, что подрывает долгосрочную эффективность стратегий мягкой силы [23]. Осознавая данные риски, казахстанские политические и культурные акторы подчёркивают необходимость сохранения культурного баланса и предотвращения доминирования одного внешнего влияния.

В связи с этим особое значение приобретает развитие взаимного характера сотрудничества, при котором культурные ресурсы Казахстана не только интегрируются в совместные инициативы, но и обладают

сопоставимой символической и содержательной ценностью с корейскими. Ко-продукция, включение казахстанских сюжетов и элементов национальной культуры в совместные медиапроекты способны снизить восприятие культурной гегемонии и сформировать ощущение совместной культурной принадлежности. Подобный подход соответствует современным концепциям культурной дипломатии, ориентированным на гибридность, диалогичность и признание поликультурности.

Дополнительным фактором усложнения выступает конкуренция со стороны других акторов мягкой силы. Китай активно продвигает свои ценности и инфраструктурные инициативы через образовательные и культурные обмены, в то время как Россия продолжает опираться на историко-языковые связи и развитые медиаресурсы для сохранения влияния в регионе. В этих условиях Республике Корея необходимо дифференцировать своё культурное предложение, акцентируя партнёрский, инклюзивный и контекстно чувствительный характер взаимодействия.

Серьёзные вызовы проявляются и в сфере цифровой коммуникации. Хотя цифровые платформы выступают мощными инструментами распространения культурного влияния, они одновременно создают новые уязвимости, включая распространение дезинформации, политическую манипуляцию и усиление поляризационных нарративов. Управление подобными рисками требует адаптивных стратегий мягкой силы, сочетающих культурную дипломатию с продвижением цифровой грамотности и информационной устойчивости.

Казахстан, в свою очередь, сталкивается с внутренними институциональными и ресурсными ограничениями, затрудняющими полноценное участие в культурном сотрудничестве. Ограниченные финансовые и организационные ресурсы сдерживают развитие национальных креативных индустрий и ограничивают возможности локализации зарубежного культурного контента. Недостаточный уровень цифровой инфраструктуры и относительно низкие инвестиции в локальное медиапроизводство снижают способность эффективно вовлекать молодую «цифровую» аудиторию, ориентированную преимущественно на новые медиа (Касымбекова и др. [24]). Эти факторы усиливают асимметрию потенциалов: Республика Корея опирается на зрелую цифровую экосистему и глобальные фан-сообщества, тогда как Казахстан пока не располагает сопоставимыми ресурсами.

Преодоление указанных диспропорций требует стратегически ориентированной кооперации, направленной на наращивание потенциала. Развитие совместного цифрового контента, создание ко-продукционных медиаплатформ, реализация образовательных программ в сфере креативных индустрий и цифровой грамотности способны укрепить культурный сектор Казахстана и расширить пространство для взаимовыгодного сотрудничества.

Тем не менее недостаточная институциональная устойчивость

Трансевразийская культурная связность: роль Южной Кореи в стратегии...

и дефицит долгосрочных программ развития продолжают замедлять данный процесс. Как отмечают Досжан и др. [20], подобные ограничения формируют «бриколажную» модель культурного производства, основанную на разрозненных инициативах и неформальных сетях. Несмотря на определённую гибкость, такая модель препятствует формированию целостной и устойчивой стратегии международного культурного взаимодействия.

Заключение

Проведённое исследование выявило динамику взаимодействия между стратегиями мягкой силы Республики Корея и эволюцией культурной дипломатии Казахстана в контексте формирования трансевразийской культурной связности. Анализ механизмов феномена халлю, цифровых инфраструктур, обеспечивающих его распространение, а также принципов многовекторной внешней политики Казахстана показывает, что культурная дипломатия приобретает всё более значимое место в системе внешнеполитического позиционирования обоих государств.

Опыт Республики Корея демонстрирует успешную модель интеграции цифровых технологий, креативных индустрий и глобальной культурной коммуникации в качестве инструментов мягкой силы. Казахстан, ориентированный на модернизацию и расширение своего международного культурного присутствия, способен избирательно адаптировать отдельные элементы данной модели для усиления собственных культурно-дипломатических ресурсов. Геополитическое положение и культурное многообразие Казахстана способствуют тому, что страна может выступать одновременно как перспективный партнёр Республики Корея и как потенциальный региональный узел для дальнейшей локализации и распространения халлю в евразийском пространстве.

Вместе с тем выявленные в ходе исследования барьеры-ограниченность ресурсов национального творческого сектора, недостаточный уровень цифровой инфраструктуры, институциональная фрагментарность, а также сложная и конкурентная геополитическая среда - требуют взвешенного и долгосрочного подхода к развитию культурного сотрудничества. Одностороннее культурное влияние может привести к формированию асимметричной зависимости, тогда как стратегическая кооперация, основанная на принципах взаимности, ко-продукции и институционального партнёрства, способна обеспечить устойчивое и сбалансированное развитие двусторонних культурных связей.

Несмотря на указанные ограничения, потенциал дальнейшего взаимодействия между Казахстаном и Республикой Корея остаётся значительным. Развитие цифровой дипломатии, реализация совместных креативных проектов, образовательных инициатив и многосторонних культурных форматов открывают дополнительные возможности для

углубления сотрудничества. Опыт Республики Корея в использовании креативных индустрий и цифровых платформ в интересах мягкой силы может служить ценным ориентиром для Казахстана, стремящегося укреплять собственное международное культурное присутствие и символический капитал.

Научный вклад настоящего исследования заключается в восполнении выявленного пробела в литературе, связанного с отсутствием комплексного анализа пересечения стратегий мягкой силы Казахстана и Республики Корея в контексте трансевразийской культурной связности. Полученные результаты подчёркивают значимость взаимных культурных инициатив, способных не только углублять двусторонние отношения, но и оказывать влияние на формирование новых культурных маршрутов и моделей взаимодействия в евразийском пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Kassen M. Understanding foreign policy strategies of Kazakhstan: A case study of the landlocked and transcontinental country // Cambridge Review of International Affairs. – 2018. – Vol. 31, № 3–4. – P. 314–334.
- [2] Patalakh A. Soft power revisited: What attraction is in international relations? // SSRN Electronic Journal. – 2018. – 22 p.
- [3] Mamedov A. Kazakhstan's foreign policy: Adjusting the priorities // RUDN Journal of Political Science. – 2024. – Vol. 26, № 1. – P. 121–131.
- [4] Yessirkep S., Abdrakhmanova G., Zhumashov Y., Pussyrmakov N. Superpowers and regional powers' soft power in Kazakhstan // Frontiers in Political Science. – 2025. – Vol. 7. – P. 1–18.
- [5] Mirzoyeva L., Syurmen O., Akhmetzhanova Z. B. Scientific Program “Discovery Kazakhstan”: Overcoming break-up in intercultural communication // KnE Social Sciences. – 2020. – P. 145–155.
- [6] Lennox B. The achievement of sovereignty by a former Soviet state: Kazakhstan's policies to diversify its partnerships beyond Russia. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 2020. – 256 p.
- [7] Makarychev A., Yatsyk A. Mega Events in Post-Soviet Eurasia. – London: Palgrave Macmillan, 2016. – 214 p.
- [8] Purtas F. Cultural diplomacy initiatives of Turkic Republics // Perception: Journal of International Affairs. – 2017. – Vol. 3. – P. 15–32.
- [9] Trembasiewicz Y. G. The role of cultural policies in Kazakhstan and Kyrgyzstan from 1991 till present time: From multiculturalism to sustainable cultural development. – HAL Archive, 2020. – 198 p.
- [10] Lee S. J., Melissen J. Public Diplomacy and Soft Power in East Asia. – London: Palgrave Macmillan, 2011. – 224 p.
- [11] Xie Z. The development experience of Japan and South Korea's cultural soft power and its enlightenment to China // Highlights in Business Economics and Management. – 2024. – Vol. 35. – P. 1–12.

[12] Bakytzhanova A., Tuleshova L. K-pop as a main tool of Korean “soft power” toward Central Asia // Central Asia’s Affairs. – 2023. – № 4(92). – P. 17–28.

[13] Fiaz H. Creative industry strategies in a globalized and digitized media landscape: The South Korean blueprint. – London: IntechOpen, 2023. – 176 p.

[14] Affandi R. A., Putri N. W. KOCCA strategy for expanding South Korean cultural content to global audiences amid the COVID-19 pandemic // E3S Web of Conferences. – 2023. – Vol. 426. – Art. 2050.

[15] Glodev V., Wijaya G., Ida R. The Korean Wave as the globalization of South Korean culture // WACANA Jurnal Ilmiah Ilmu Komunikasi. – 2023. – Vol. 22, № 1. – P. 108–119.

[16] Jin D. Y. The rise of digital platforms as a soft power apparatus in the New Korean Wave era // Communication and the Public. – 2024. – Vol. 9, № 2. – P. 161–175.

[17] Melissen J., de Keulenaar E. Critical digital diplomacy as a global challenge: The South Korean experience // Global Policy. – 2017. – Vol. 8, № 3. – P. 294–302.

[18] Zulkarnain A. R. M., Suharyono K. N. I. K-pop and contemporary cultural diplomacy: The influence of NCT on Indonesia’s cultural diplomacy in the digital age // Hasanuddin Journal of Strategic and International Studies. – 2022. – Vol. 1, № 1. – P. 45–60.

[19] Jeong M., Jeong D. Y., Min J., Kang B. Central Asia’s trade strategies and Korea–Central Asia cooperation plans // SSRN Electronic Journal. – 2024. – 34 p.

[20] Doszhan R., Nussupayeva A., Baimakhambetova G., Ashirbekova L., Bilan Y. Qualitative assessment of the development of creative industries in emerging countries: The case of Kazakhstan // Problems and Perspectives in Management. – 2022. – Vol. 20, № 3. – P. 350–360.

[21] Slamgazhy A., Liu R., Zhappassov Z., Tassilova A. Kazakhstan’s media coverage of China: How the Belt and Road Initiative strengthens geopolitical ties // Journal of Eastern European and Central Asian Research. – 2024. – Vol. 11, № 2. – P. 362–378.

[22] Matosian A. E. The key components of South Korea’s soft power: Challenges and trends // RUDN Journal of Political Science. – 2021. – Vol. 23, № 2. – P. 279–286.

[23] Milani M. The use of culture and cultural products in inter-Korean relations. – London: Routledge, 2022. – 212 p.

[24] Kassymbekova N. M., Tolegen E., Buyenbayeva Z., Almanova N., Shyngyssova N. T. The impact of the technological boom on traditional and social media in Kazakhstan // Studies in Media and Communication. – 2025. – Vol. 13, № 2. – P. 123–134.

**ТРАНСЕУРАЗИЯЛЫҚ МӘДЕНИ БАЙЛАНЫСТЫҚ:
ҚАЗАҚСТАННЫҢ ЖҮМСАҚ КҮШ СТРАТЕГИЯСЫНДАҒЫ
ОҢТҮСТІК КОРЕЯНЫҢ РӨЛІ**

*Кенжегалиева Д.М.¹, Джакубаева С.Т.², Илияс Н.Қ.³

*^{1,3} Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Алматы, Қазақстан

² Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті,
Алматы, Қазақстан

Андратпа. Бұл зерттеу Оңтүстік Кореяның жұмсақ күш стратегиясы мен Қазақстанның дамып келе жатқан мәдени дипломатиясының өзара байланысын транс-еуразиялық мәдени байланыстылық контекстінде талдайды. Соңғы екі онжылдықта Оңтүстік Корея халью феноменін, дамыған цифрлық инфрақұрылымды және институционалды қолдау тапқан креативті индустрияларды тиімді пайдалана отырып, әлемдегі ең табысты орта державалық мәдени актерлердің біріне айналды. Ал Қазақстан көпвекторлы сыртқы саясат жүргізе отырып, халықаралық танымалдығын арттыруды, тартымды мәдени бренд қалыптастыруды және өзін Еуразияның мәдени әрі геосаяси торабы ретінде орнықтыруды мақсат етеді. Мақалада мемлекеттік бастамалар, нарықтық тетіктер және цифрлық платформалар тоғысқан корей мәдени дипломатиясы моделі Қазақстанның жұмсақ күш әлеуетін күшетуге қалай ықпал ете алатыны қарастырылады.

Зерттеу барысында сапалық әдістер - тақырыптық талдау, салыстырмалы кейс-талдау және стратегиялық құжаттарды интерпретациялау - қолданылды. Нәтижелер корей мәдениетінің, әсіресе жастар арасында, Қазақстанда өсіп келе жатқан тартымдылығын және цифрлық контент, медиа өндіріс, білім беру және креативті индустриялар салаларындағы екіжақты ынтымақтастық мүмкіндігін көрсетеді. Сонымен қатар, Қазақстандағы цифрлық инфрақұрылымның жеткіліксіз дамуы, институционалдық қолдаудың әлсіздігі және мәдени асимметрия қаупі сияқты құрылымдық шектеулер талданады.

Қорытындысында, Қазақстан мен Оңтүстік Корея арасындағы мәдени әріптестікті тереңдету бірлескен ко-өндіріс, цифрлық жобалар, білім беру бастамалары және өнірлік платформалар шенберіндегі ынтымақтастық арқылы жүзеге аса алатыны атап өтіледі. Зерттеу алғаш рет екі елдің жұмсақ күш стратегияларының транс-еуразиялық мәдени динамика түрғысындағы өзара байланысын кешенді түрде талдап, мәдени дипломатияның болашақ бағыттарын анықтайды.

Тірек сөздер: жұмсақ күш, мәдени дипломатия, халью, Қазақстан, Оңтүстік Корея, креативті индустриялар, цифрлық мәдениет, дипломатия

TRANS-EURASIAN CULTURAL CONNECTIVITY: THE ROLE OF SOUTH KOREA IN KAZAKHSTAN'S SOFT POWER STRATEGY

*Kenzhegalieva D. M.¹, Jakubayeva S.T.², Iliyas N.Q.³

^{1,3} Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

² Kazakh National Women's Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan

Abstract. This study examines the interaction between South Korea's soft power strategy and Kazakhstan's evolving cultural diplomacy within the broader framework of Trans-Eurasian cultural connectivity. Over the past two decades, South Korea has become one of the most successful middle-power cultural actors, leveraging the global spread of Hallyu, a highly developed digital infrastructure, and institutionally supported creative industries. Kazakhstan, meanwhile, pursues a multi-vector foreign policy aimed at strengthening its international visibility, establishing an attractive cultural brand, and positioning itself as a cultural and geopolitical hub of Eurasia. The paper explores how South Korea's model of cultural diplomacy-combining state initiatives, market mechanisms, and digital platforms-can support Kazakhstan's efforts to enhance its soft power and cultural outreach.

Using qualitative research methods, including thematic analysis, comparative case study, and the examination of strategic policy documents, the study identifies the growing appeal of Korean culture among Kazakhstani audiences, particularly youth, as well as the potential for bilateral cooperation in digital content, media production, education, and creative industries. Particular attention is paid to Kazakhstan's structural constraints, such as underdeveloped digital infrastructure, limited institutional support for creative sectors, and the risks of cultural asymmetry.

The paper concludes that deeper cooperation between Kazakhstan and South Korea can be achieved through joint co-production, digital initiatives, educational partnerships, and collaboration within regional frameworks. By offering the first comprehensive analysis of the interaction between the two countries' soft power strategies through the prism of Trans-Eurasian cultural dynamics, the study fills an existing research gap and outlines new directions for future cultural diplomacy.

Key words: soft power, cultural diplomacy, Hallyu, Kazakhstan, South Korea, creative industries, digital culture, diplomacy

Статья поступила: 31 августа 2025
Принята: 20 декабря 2025

Сведения об авторах:

Кенжеалиева Дана Маратқызы – докторант Института Востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, e-mail: danakenzhegalieva@gmail.com

Кенжеғалиева Д.М., Джакубаева С.Т., Илияс Н.Қ.

Джакубаева Салтанат Толеуовна доктор PhD., доцент, Казахский национальный женский педагогический университет, автор корреспондент, e-mail: jakubayeva.s@gmail.com

Илияс Нұрат Құлымбетұлы, доктор PhD., ст преподаватель,

Казахский национальный университет имени аль-Фараби e-mail: nuratkz01@gmail.com

Авторлар жайында мәглұмат

Кенжеғалиева Даны Маратқызы Р.Б.Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының докторантты, е-пошта: danakenzhegalieva@gmail.com

Джакубаева Салтанат Тулеуовна, PhD., доктор, қауымдастырылған профессор ҚазҰҚПУ е-пошта: jakubayeva.s@gmail.com

Илияс Нұрат Құлымбетұлы, PhD., доктор, аға оқытушы, Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ. е-пошта: nuratkz01@gmail.com

Information about authors

Kenzhegalieva Dana Maratkyzy - PhD doctoral candidate, R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, e-mail: danakenzhegalieva@gmail.com

Jakubayeva Saltanat Toleuovna - PhD, Associate Professor, Kazakh National Women's Teacher Training University, corresponding author, e-mail: jakubayeva.s@gmail.com

Iliyas Nurat Qulyumbetuly - PhD, Senior Lecturer at Al-Farabi Kazakh National University, e-mail: nuratkz01@gmail.com